

Годъ изданія восьмой.

ІЮНЬ.

№ 15.

1915.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЕЧЕРКОМЪ (стих.).
НА ЧУЖБИНѢ.
У РѢКИ (стих.).
СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ. Повѣсть.
ЗА МАМУ!..
ГОЛОВЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Музыкантъ и паяцъ (прыгунчики).
Скачки съ препятствіями (игра).

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Какъ не услужить хозяину.

ВЕЧЕРКОМЪ.

Свѣжо... Повѣяла прохлада...
Туманъ поднялся надъ рѣкой,
Мычитъ вернувшееся стадо
И все уходитъ на покой.

Не разъ кукушка куковала,
Роса на землю ужъ ниспала,
И ужъ въ сирени, межъ вѣтвей,
Защелкалъ звонко соловей.

Кругомъ цвѣтами пахнетъ сладко,
Восходитъ полная луна
И въ небѣ темномъ, какъ лампадка,
Одна лишь звѣздочка видна.

Ирисъ.

НА ЧУЖБИНѢ.

Въ далекой Сибири, на склонѣ
высокаго горнаго хребта, порос-
шаго дикимъ лѣсомъ, приютилось
нѣсколько избушекъ переселен-
цевъ. Всѣ они еще только недавно
пріѣхали сюда изъ Россіи, наско-
ро устроили свои хозяйства и, въ
надеждѣ на лучшее будущее,
мирились съ неудобствами и съ
тоской по родинѣ.

„Все обойдется“, думали они.—
„Мы ужъ какъ нибудъ переживемъ,
а для нашихъ дѣтей эта мѣст-
ность будетъ уже родиной... Они
выростутъ—и лучшаго для нихъ
уже не будетъ на свѣтѣ ничего.
Для насъ-же былъ-бы только
хлѣбъ...“

Невдалекѣ отъ этого новаго по-
селенія находилось большое имѣніе
богатаго поселенца Крючкова. Онъ

пріѣхалъ сюда уже давно, быстро
нажился и жилъ припѣваючи. Это
былъ расчетливый до скупости че-
ловѣкъ, не любившій людей и ста-
равшійся изъ каждаго извлечь для
себя какъ можно больше пользы.

Былъ у него пастушокъ—Пет-
руша, мальчикъ двѣнадцати лѣтъ,
оставшійся круглымъ сиротой
послѣ своихъ родителей, пріѣхав-
шихъ сюда изъ Полтавской губер-
ніи и какъ-то сразу вдругъ заболѣв-
шихъ и сошедшихъ въ могилу.
Петрушѣ было семь лѣтъ, когда его
сюда привезли. Онъ отлично по-
мнилъ Малороссію, тосковалъ по
родинѣ, она часто ему снилась и
онъ только и думалъ о томъ, какъ-
бы возвратиться обратно въ Россію
и снова попасть въ свою дорогую,
ненаглядную деревню Тополье,

черезъ которую текла такая красивая, уютная рѣчка Курсавка. Но онъ находился отъ Тополья и отъ этой рѣчки за десять тысячъ верстъ и былъ увѣренъ, что никогда уже не возвратится домой, развѣ только совершится какое-нибудь чудо, на которое было такъ мало надежды!

И въ глубинѣ души онъ все таки надѣялся на это чудо и мысленно повторялъ:

— Боженька, верни меня домой! Сдѣлай такъ, чтобы я опять попалъ въ свою деревню!

Крючковъ относился очень строго къ Петрушѣ и даже часто его бивалъ. Съ самаго ранняго утра, едва только восходило солнце, и до тѣхъ поръ, пока вся усадьба не укладывалась спать, Петруша былъ на ногахъ. Кормили его плохо. По нѣскольку дней онъ не видалъ горячей пищи. Но онъ весело вскакивалъ съ постели, бралъ свой рожокъ, набрасывалъ на плечи что-то похожее на непромокаемый плащъ и гналъ стадо въ горы.

— Бойка, пойдёмъ! обращался онъ къ собакѣ.

И Бойка послушно слѣдовалъ за нимъ.

Кромѣ этого Бойки у Петруши не было ни одного близкаго существа во всей усадьбѣ Крючкова. Былъ одинъ поселенецъ Хоменко съ женой и съ дочерью Фросей, но они прожили здѣсь всего два года, имъ не понравилось, они соскучились по родинѣ и уѣхали къ

себѣ обратно въ Россію. Съ этой Фросей Петруша былъ очень друженъ, приходилъ къ ней по воскресеньямъ играть и дѣвочка и мальчикъ относились другъ къ дружкѣ, какъ братъ и сестра. Самъ Хоменко и его жена любили Петрушу и ласкали его, и когда эта семья уѣхала, то Петруша почувствовалъ себя осиротѣвшимъ во второй разъ. Онъ долго и неутишно плакалъ, долго скучалъ по Хоменкамъ и Фросѣ, но время сдѣлало свое и онъ успокоился. Хоменки жили въ Россіи въ томъ-же самомъ Топольѣ, откуда былъ родомъ и онъ. Петруша утѣшалъ себя мыслью, что когда-нибудь возвратится домой и онъ и поводится тамъ съ ними.

„Чудо совершится,“ думалъ онъ.— „Боженька сдѣлаетъ такъ, что я возвращусь къ себѣ въ Тополье!“

И, лежа на травѣ около своего стада, одинъ, какъ перстъ, въ горахъ, онъ мечталъ о томъ, какъ пріѣдетъ къ себѣ въ родную деревню, какъ побѣжитъ къ знакомой рѣчкѣ, увидитъ ея берега, заросшіе камышомъ, и услышитъ крикъ лягушекъ. Ему будетъ свѣтитъ ласковое южное солнце, вишни и сливы протянутъ къ нему свои вѣтки, красныя отъ массы плодовъ, а когда настанетъ теплый вечеръ и въ темномъ куполѣ неба засвѣтятъ, какъ брилліанты, яркія звѣзды, то сойдутся послѣ длиннаго трудового дня парни и

дѣвушки и запоятъ хоромъ мало-россійскія пѣсни. Ахъ, какъ давно Петруша не слышалъ пѣнія! А затѣмъ онъ побѣжитъ къ Хоменкамъ. Къ нему выбѣжитъ навстрѣчу Фрося, удивится ему и начнетъ спрашивать. Потомъ поведетъ его въ хату къ родителямъ и они дадутъ ему чего-нибудь поѣсть! Съ какимъ аппетитомъ онъ будетъ у нихъ ѣсть!

И при одной только мысли объ этомъ онъ невольно начиналъ жевать пустымъ ртомъ и дѣлать глотательныя движенія.

Однажды, когда Петруша пасъ въ горахъ стадо и такъ мечталъ, мимо него неожиданно прошелъ господинъ въ форменной фуражкѣ и съ партіей какихъ-то незнакомыхъ людей. Они остановились, поговорили, долго приглядывались, а затѣмъ господинъ разставилъ треножникъ, привинтилъ къ нему трубку, посмотрѣлъ въ нее и что-то записалъ къ себѣ въ книжку.

— Здравствуй, мальчуганъ! крикнулъ онъ Петрушѣ.

Мальчикъ вѣжливо снялъ передъ нимъ шапку.

— Ты здѣшній? спросилъ его господинъ.

— Нѣтъ, я дальній... отвѣтилъ Петруша. — Я изъ Полтавской губерніи...

— Ого!.. Ну, такъ, значитъ, мы съ тобой земляки! Я тоже изъ Полтавской губерніи!

Петруша обрадовался, хотѣлъ было задать ему вопросы, распро-

сить его, но не посмѣлъ. Господинъ сложилъ свои инструменты и вся партія отправилась далѣе и скоро скрылась совсѣмъ.

Вечеромъ Петруша сообщилъ о пришельцахъ хозяину.

— Это инженеръ съ партіей, сказалъ ему Крючковъ. — Золото ищутъ. Въ нашихъ краяхъ много золота въ землѣ, только никто не знаетъ, гдѣ оно находится. Счастливецъ тотъ, кто его найдетъ!

На другой день Петруша, чуть свѣтъ, выгналъ стадо въ горы. Ничто не предвѣщало дурной погоды. Но часовъ около четырехъ дня нависли тяжелыя тучи, задулъ вдругъ сильный вѣтеръ и потрясъ вершинами деревьевъ. Засверкала молнія, загремѣлъ раскатистый громъ и въ какіе-нибудь полчаса пронеслась такая буря, какой Петруша не видѣлъ еще никогда. Громъ оглушалъ его своими раскатами, молнія ослѣпляла и проливной дождь съ такою силой падалъ на землю, что и Петрушѣ и скоту было больно отъ его капель. Вся природа содрогалась. Казалось, что цѣлые камни отваливались отъ горъ и катились книзу, уничтожая все на своемъ пути. Но прошелъ часъ — и все успокоилось. Ураганъ прошелъ мимо, засвѣтило снова солнце и крутая радуга изъ края въ край перекинулась черезъ небо. Весь мокрый, въ прилипшей къ тѣлу одеждѣ, Петруша обратился къ Бойкѣ. Въ своемъ одиночествѣ

онъ всегда разговаривалъ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ.

— Ну, Бойка, сказалъ онъ,— надо собираться домой. У насъ въ стадѣ молодые телятки. Они промокли и могутъ озябнуть. Пожалуй еще простудятся, тогда хозяинъ насъ не поблагодарить.

И онъ сталъ собирать свое стадо. Бойка весело завилялъ хвостомъ. Промокшее стадо еле двигалось. Петруша заигралъ на рожокъ—и оно медленно стало собираться въ кучку. Онъ сосчиталъ ихъ. Одного изъ телятъ на лицо не оказалось. Онъ испугался и поблѣднѣлъ.

— Пропалъ одинъ! въ страхѣ воскликнулъ онъ.

Но медлить было нельзя. Надо было спѣшить. Уже спускался вечеръ, и надъ травой сталъ подниматься туманъ.

— Оставайся здѣсь со стадомъ, приказалъ Бойкѣ Петруша.—Оберегай его! А я пойду искать. Быть можетъ найду. Жди меня здѣсь!

Собака поняла его, и тотчасъ же стала ходить вокругъ стада, чтобы оно не разбрелось, а онъ побѣжалъ въ лѣсъ отыскивать теленка.

Долго онъ бродилъ съ мѣста на мѣсто, приглядываясь къ кустамъ и пенькамъ и вздрагивая только при одной мысли о томъ, какъ встрѣтитъ его хозяинъ, если у него не окажется теленка. Но Петруша нашелъ его. Была уже темная сырая ночь, когда онъ вдругъ уви-

далъ его лежавшимъ у корня старой сосны и мирно жевавшимъ жвачку. Онъ схватилъ его за шею и, не помня себя отъ радости, привелъ его къ стаду. Здѣсь мальчика ожидалъ потерявшій уже терпѣнiе Бойка и сталъ прыгать около него и лизать его въ самое лицо. Затѣмъ все стадо потянулось домой. Крючковъ ожидалъ его у воротъ.

— Да ты съ ума, что-ли сошелъ?—крикнулъ онъ на пастушка. Такая мокрота, а ты все еще держишь стадо на травѣ! Развѣ ты не видишь, какъ промокли и озябли телята? Ты хочешь, что-бы всѣ они у меня передохли?

Мальчикъ почувствовалъ, какъ отъ страха у него похолодѣло подъ сердцемъ.

— Я не виноватъ... залепеталъ онъ.—Одинъ теленокъ въ грозу отбился отъ стада и убѣжалъ... Я его долго искалъ.

— Но вѣдь телята озябли!

— Я тоже промокъ до костей и озябъ...

Вмѣсто отвѣта хозяинъ больно ударилъ Петрушу по шеѣ. Онъ отлетѣлъ и ударился плечомъ о стѣну.

Ему было больно, но онъ не заплакалъ и не сказалъ больше ничего. Затѣмъ онъ загналъ стадо въ хлѣвъ, а самъ отправился къ себѣ въ сарай и легъ на солому. Бойка тоже легъ рядомъ съ нимъ. Оба были мокры и долго не могли согрѣться. Все въ усадьбѣ успо-

койлось и замолкло. Наступила глубокая, сырая ночь.

Въ самую полночь Петруша вдругъ поднялся съ соломы и позвалъ съ собою и Бойку.

— Пойдемъ!.. сказалъ онъ. — Здѣсь мы съ тобой чужіе!

И тихонько, чтобы никто его не замѣтилъ, онъ прошелъ черезъ дворъ и вышелъ изъ усадьбы. Бойка послушно слѣдовалъ за нимъ.

— Пойдемъ въ Россію!.. обратился мальчикъ къ собакѣ, когда они отошли уже съ полверсты. — Это далеко, но мы дойдемъ. Богъ намъ поможетъ! Она, говорятъ, за этими горами!

Собака виляла ему хвостомъ. Онъ размечтался.

— Тамъ мы увидимъ Фросю и ея отца и мать... продолжалъ онъ. — Они будутъ насъ спрашивать и дадутъ намъ поѣсть... Мы будемъ жить у насъ въ Топольѣи будемъ купаться въ Курсавкѣ... Тамъ, Бойка, хорошо у насъ, тепло. Не такъ какъ, здѣсь... Только по какой вотъ дорогѣ туда идти?..

Мальчикъ остановился, оглядѣлся и задумался.

— Вотъ что! рѣшилъ онъ наконецъ. — Что Россія тамъ, за этими горами, это я точно знаю. Давай, Бойка, пойдемъ по нашей тропинкѣ, взберемъ на самый хребетъ, а потомъ спустимся внизъ какъ разъ отъ того самаго мѣста, гдѣ обыкновенно пасемъ стадо. А тамъ ужъ будетъ видно!

И по знакомой тропинкѣ они стали взбираться на самую вершину кряжа. Какъ все измѣнилось за эти часы послѣ дождя! Еще и тамъ и сямъ шумятъ горные потоки; давно-ли Петруша искалъ въ этихъ мѣстахъ теленка, а уже какъ размыты и тропинка, и камни! Многіе изъ нихъ отвалились и скатились внизъ и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они лежали, теперь зияютъ глубокія ямы, которыя въ темнотѣ кажутся такими страшными и глубокими. Но мальчикъ не боится ихъ. Онъ привыкъ уже къ природѣ, къ тому же свѣтитъ полная луна, и ему видно все. Вотъ только-бы не сорваться и не упасть. Ноги скользятъ по глинѣ такъ, что трудно взбираться наверхъ, и поневолѣ приходится цѣпляться за кусты. Но онъ не унываетъ и карабкается, какъ кошка.

— Впередъ! кричитъ онъ собакѣ.

Но Бойкѣ гораздо легче, чѣмъ ему. Собака бѣжитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и даже описываетъ круги, почуявъ дичь. Сонные тетерева слетаютъ съ деревьевъ и съ крикомъ улетаютъ прочь. Капли съ деревьевъ брызжутъ Петрушѣ прямо въ лицо.

Но что это зияетъ такъ мрачно сбоку тропинки? Петруша останавливается и переводитъ духъ. Передъ нимъ глубокая яма, наполовину наполненная дождевой водой.

„Кажется, здѣсь былъ большой камень?“ соображаетъ онъ. — „Не-

ужели-же и его сорвало потокомъ и унесло внизъ?“

И чтобы лучше убѣдиться, онъ останавливается на самомъ краю ямы и начинаетъ оглядывать ее со всѣхъ сторонъ. Въ это время облако сбѣгаетъ съ луны и она ярко освѣщаетъ и края ямы, и воду, и нависшіе надъ ней кусты.

И вдругъ что-то блестящее привлекаетъ къ себѣ вниманіе Петруши. Тамъ и сямъ изъ ямы выглядываютъ большіе блестящіе камни, величиной съ куриное яйцо. Они сверкаютъ такъ, точно металлъ. Петруша наклоняется и беретъ одинъ изъ нихъ.

— Это на память!.. говоритъ онъ и отправляется далѣе.

Раннее утро. Красивымъ огненнымъ шаромъ восходитъ солнце. Длинные, узкія облачка, похожія на раскаленные, но уже кое-гдѣ покрышіеся пепломъ угольки, столпились вокругъ него и точно сторожатъ его выходъ. Внизу по лощинамъ, какъ длинные полотна, протянулся туманъ. Стали перекликаться птицы. А затѣмъ солнце точно вырвалось у сторожившихъ его облачковъ изъ неволи, сразу поблѣло, прыснуло свѣтомъ,—все пробудилось въ природѣ и заликовало.

— Утро... подумалъ Петруша.— Надо помолиться Богу!

И снявъ шапку, онъ сталъ креститься и кланяться на востокъ. Бойка сѣлъ около него и, весь мокрый, высунулъ отъ жары розовый языкъ.

„Такъ еще свѣжо, подумалъ Петруша,— а Бойкѣ уже жарко. Вотъ-бы и мнѣ такую шубу!“

Но чу! что это за голоса? Слышны чьи-то шаги, сквозь вѣтви кустарниковъ мелькаютъ чьи-то одежды. Петруша останавливается, прислушивается и приглядывается, и на полянку вдругъ выходятъ нѣсколько человекъ. Всѣ они покрыты утренней росой и по ихъ лицамъ видно, что они устали и не спали цѣлую ночь. Впереди нихъ господинъ въ форменной фуражкѣ. Это тотъ самый, который разговаривалъ вчера съ Петрушей. Это—инженеръ. Онъ узнаетъ Петрушу съ перваго-же взгляда и улыбается.

— А, землячокъ! говоритъ онъ.— Здравствуй! Далеко-ли идешь?

Петруша тоже узнаетъ его и отвѣчаетъ:

— На родину!.. Къ себѣ въ Полтавскую губернію!

— Ого! восклицаетъ инженеръ.— Такъ далеко? Да дойдешь ли ты?

— Богъ поможетъ...

Инженеръ останавливаетъ его и начинаетъ его расспрашивать, какого онъ уѣзда, изъ какого села, кто его родные.

— А это у тебя что? вдругъ спрашиваетъ инженеръ, увидѣвъ у мальчика въ рукѣ блестящій камень.

И прежде чѣмъ Петруша успѣваетъ сказать слово, онъ выхватываетъ у него этотъ предметъ и начинаетъ оглядывать его со всѣхъ

Два пріятели

Любимица.

сторонѣ. Глаза его загораются какимъ-то страннымъ блескомъ.

— Да вѣдь это чистое золото! восклицаетъ онъ.— Это самородокъ! Гдѣ ты его взялъ?

Мальчикъ удивляется, что такой серьезный господинъ и вдругъ приходитъ въ восторгъ отъ такихъ пустяковъ.

— Я поднялъ это тамъ... отвѣчаетъ онъ.— Въ ямѣ! Тамъ еще много осталось!

— Гдѣ? гдѣ? бросились къ нему съ вопросомъ всѣ люди.

Онъ посмотрѣлъ на нихъ, улыбнулся и просто отвѣтилъ:

— Хотите, я вамъ покажу? Пойдемте со мной!

И онъ повелъ ихъ къ той ямѣ, изъ которой взялъ самородокъ. Затаивъ дыханіе, они молча слѣдовали за нимъ.

Онъ уже усталъ, его ноги скользили, ему нужно было спѣшить въ Россію, но онъ хотѣлъ сдѣлать имъ пріятное и велъ ихъ.

— Вотъ здѣсь, сказалъ онъ, наконецъ.— Вотъ эта яма!

Они всѣ бросились къ ямѣ и такъ и ахнули отъ удивленія и восторга. Теперь въ ней воды уже не было и все ея дно и всѣ стѣнки были усыяны крупными, какъ яйца, золотыми самородками.

— Какое счастье! воскликнулъ инженеръ.— Какая богатая залежь!

И, бросившись къ мальчику, онъ сталъ его похлопывать ласково по плечу.

Какъ иногда несерьезны бываютъ даже самые серьезные люди! Петрушѣ было пріятно, что его ласкалъ инженеръ, но въ то же время онъ не понималъ, почему именно взрослые люди придавали такое большое значеніе этимъ бездѣлушкамъ, которыя точно грибки выглядывали изъ земли и свѣтились тускло на солнцѣ! Золото, золото! Какъ много радости и страданій доставляетъ оно людямъ!

Но вотъ проходитъ первый порывъ радости — и всѣ эти люди, довольные, каждый со слиткомъ золота, садятся на землю и начинаютъ отдыхать. Теперь они примутся за разработку этого мѣста и,—кто знаетъ,—быть можетъ, богаче ихъ не будетъ никого на свѣтѣ! И всѣмъ этимъ они обязаны вотъ этому мальчугану, который былъ здѣсь раньше ихъ и нашелъ для нихъ это мѣсто.

Инженеръ опять подходитъ къ Петрушѣ, достаетъ изъ кармана бумажникъ и вынимаетъ изъ него много-много денегъ.

— Спасибо тебѣ, Петруша! говоритъ онъ.— Ты идешь на родину, но это далеко и едва-ли ты дойдешь! Вотъ тебѣ деньги. Возьми ихъ. Я дарю ихъ тебѣ. Тебѣ вполне ихъ хватитъ, чтобы проѣхать на пароходѣ, на лошадахъ и затѣмъ по желѣзной дорогѣ, весь путь до самаго твоего родного села! Спрячь ихъ — и счастливаго тебѣ пути!

Петруша вскрикиваетъ отъ радости, беретъ отъ инженера деньги и не знаетъ, какъ его благодарить. Бойка видитъ его радость и начинаетъ скулить и ластиться къ инженеру. А затѣмъ всѣ поднимаются со своихъ мѣстъ и прощаются съ Петрушей.

— Счастливаго тебѣ пути! кричатъ они ему и машутъ ему фуражками.

— Будь здоровъ! Спасибо! кричитъ ему инженеръ.

Теперь передъ Петрушей раскрывается цѣлый свѣтъ. Съ этими деньгами онъ можетъ осилить всѣ препятствія и всѣ его мечты, казавшіяся ему только мечтами, должны теперь исполниться — и онъ возвратится къ себѣ въ деревню.

Онъ долго въ свою очередь машетъ этимъ людямъ шапкой и киваетъ имъ головой, а затѣмъ разстояніе между нимъ и ими становится все больше и больше, еще поворотъ или два, — и они расстаются навѣки.

— Кланяйся родинѣ! кричитъ ему въ послѣдній разъ инженеръ, но эта фраза едва долетаетъ до Петруши и онъ едва успѣваетъ ее разслышать.

Проходятъ два долгихъ мѣсяца. Громадная, полноводная рѣка, пароходъ, голубое, безбрежное озеро, Иркутскъ, ѣзда на лошадахъ и затѣмъ по желѣзной дорогѣ — все это проносится передъ Петрушей, какъ

длинный, интересный, полный приключеній сонъ. Но вотъ, наконецъ, онъ уже добирается и до Малороссіи. Свѣтитъ солнце, щебечутъ птицы, мимо него проходятъ и проѣзжаютъ хохлы, говорящіе на знакомомъ ему когда-то языкѣ, тамъ и сямъ виднѣются долговязые тополи — и воспоминація волной окатываютъ его и ему начинаетъ казаться, что онъ былъ здѣсь только вчера. Онъ идетъ отъ станціи желѣзной дороги въ Тополье, Бойка слѣдуетъ за нимъ, и чѣмъ ближе онъ подходитъ къ своей родной деревнѣ, тѣмъ нетерпѣніе его становится все сильнѣе.

Высокій холмъ. Мальчикъ поднимается на него и передъ нимъ открывается давно желанная картина. Все въ зелени, стоитъ на берегу голубой рѣки селеніе Тополье; оно все такое же, какъ и тогда, когда Петрушу увезли изъ него въ далекую Сибирь. Вонъ водяная мельница, вонъ школа подъ блестящей желѣзной крышей, вонъ та хатка, въ которой онъ родился...

— Вонъ — вонъ нашъ домикъ! указываетъ Петруша Бойкѣ и не можетъ даже дышать отъ радости.

Ему хочется плакать, хочется кричать, со всѣхъ ногъ бѣжать къ себѣ, въ это село, или же обратиться въ птицу и на крыльяхъ, въ одну секунду, перелетѣть все это пространство, еще отдѣляющее его отъ родины.

— Пойдемъ! Пойдемъ! торопить онъ Бойку. — Ты увидишь, какъ намъ обрадуются Хоменки и Фрося и какъ они будутъ насъ любить!

И они чуть не бѣгомъ отправляются снова въ путь, и съ каждымъ шагомъ разстояніе все уменьшается и вотъ Петруша уже у самой завѣтной своей цѣли. Вотъ уже хатка Хоменокъ съ бѣленькими занавѣсочками на окнахъ и съ горшками цвѣтовъ. Вотъ скотный дворикъ, по которому бродятъ куры и хрюкаетъ свинья; вотъ огородъ, въ которомъ такъ буйно разрослись хмѣль и конопля... Петруша все это узнаётъ и отъ удовольствія не можетъ сказать ни слова. Что-то комкомъ становится у него поперекъ горла и мѣшаетъ ему дышать и говорить...

На лай желтой собаки изъ хатки выходитъ мать Фроси. Батюшки, какъ она пополнѣла! Она глядитъ на Петрушу, всплескиваетъ руками и не вѣритъ своимъ глазамъ.

— Петя!.. Петрушенька!.. говорить она и слезы такъ и брызгаютъ у нея изъ глазъ.—Какими судьбами! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Откуда ты? Какъ ты сюда попалъ?

Онъ бросается къ ней на шею и она прижимаетъ его къ себѣ.

А затѣмъ онъ подводитъ къ ней Бойку, который свелъ уже знакомство съ желтой собакой, и говоритъ:

— Это мой самый лучший другъ.

Женщина вводитъ Петрушу въ хатку. Приходитъ съ поля Фрося и тоже не вѣритъ своимъ глазамъ. Она то плачетъ, то смѣется, а затѣмъ всѣ усаживаются за столъ, появляются вкусный борщъ, сметана и молоко и начинаются разпросы, разпросы безъ конца.

И Петрушѣ кажется, что онъ нашелъ наконецъ свою родную семью.

А когда наступаетъ вечеръ и съ поля возвращается самъ Хоменко, то жена отводитъ его въ сторону и о чемъ-то долго-долго говоритъ съ нимъ шепотомъ. Онъ одобрительно покачиваетъ головой и отвѣчаетъ ей вслухъ:

— Богъ поможетъ! Богъ пошлетъ на всѣхъ!..

А затѣмъ оба они подзываютъ къ себѣ Петрушу, обнимаютъ его и говорятъ:

— Ты останешься у насъ со-всѣмъ. Теперь ты нашъ. Мы не разстанемся съ тобой никогда.

Онъ смотритъ на нихъ, хочетъ ихъ благодарить и не можетъ. Комокъ опять подступаетъ ему къ горлу, и слезы показываются у него на глазахъ. М. Б—скій.

жиками. Къ тому-же она была такъ нѣжна и такъ хрупка и такъ была молода для своихъ лѣтъ, что мы боялись иной разъ обнять ее или заставить ее что-нибудь сдѣлать по хозяйству. Но зато она была развита не по лѣтамъ: она выражалась, какъ взрослая, рассуждала такъ, точно ей было уже лѣтъ подъ двадцать, и рѣдко смѣялась. Нужно было видѣть, съ какимъ достоинствомъ она приняла отъ папы извѣстie о томъ, что по всей вѣроятности ея отецъ уже болѣе не найдется, и что поэтому она должна была у насъ остаться совсѣмъ! Она не сказала ни слова благодарности, но по всѣмъ ея поступкамъ сразу же было видно, какъ глубоко она цѣнила то, что сдѣлали для нея мои родители. Она старалась уловить каждую ихъ мысль, малѣйшее ихъ желанiе и въ то же время держалась какъ-то строго, точно старалась каждую минуту сдержать себя или не дать себѣ воли. Это стѣсняло моего отца. Онъ былъ простодушенъ, любилъ говорить все напрямикъ, любилъ на открытую привязанность получать такое-же открытое сердечное отношенiе и эта скрытность въ Эмѣ ему не нравилась.

— Чего она церемонится съ нами! говорилъ онъ намъ. — Жила-бы съ нами по простотѣ!

Но и самому ему и намъ всѣмъ было ясно, что она была какого-то особаго воспитанiя, точно была

дочерью знатныхъ родителей, и что должны были пройти еще мѣсяцы, а можетъ быть и годы, прежде, чѣмъ она освоилась-бы и открыла-бы передъ нами свою душу.

Въ честь выздоровленiя Эмѣ мы сдѣлали маленькiй праздникъ. Когда она сошла наконецъ съ постели и одѣлась въ мое платье—своихъ еще у нея не было,—то мама усадила ее въ большое мягкое дѣдовское кресло и заботливо укутала ей ноги платкомъ. Мы всѣ, сколько насъ было, окружили ее со всѣхъ сторонъ, чтобы, такъ сказать, представиться ей въ полномъ составѣ. Вѣдь она теперь становилась членомъ нашей семьи! Каждый изъ насъ старался напереывъ сказать ей что-нибудь о себѣ, назвать свое имя, сказать сколько ему лѣтъ, что онъ любитъ больше всего и какiя у него игрушки и книги. Она слушала всѣхъ со вниманiемъ, съ серьезнымъ видомъ, повторяла наши имена и старалась ихъ запомнить. Самого младшаго изъ насъ она поцѣловала, какъ мать. На игрушки она взглянула какъ-то снисходительно, какъ взрослая, и мало ими заинтересовалась. А затѣмъ, когда мама позвала насъ всѣхъ пить чай, и мы хлынули въ столовую, то я видѣла, какъ, оставшись одна, она глубоко задумалась и стала глядѣть въ одну точку. Мой отецъ съ серьезнымъ видомъ погляды-

валь на нее издалека, но не говорилъ ничего. Послѣ чаю мы опять всѣ собрались вокругъ нея, стали шумѣть, смѣяться и кричать — и, помню, это былъ одинъ изъ лучшихъ вечеровъ моей жизни. Мама рассказывала намъ разныя исторіи изъ былыхъ временъ, папа — о томъ, какъ онъ ѣздилъ въ дни своей молодости въ Америку, — и мы слушали ихъ, развѣсивъ уши. Но когда свечерѣло настолько, что пришлось зажечь огни, то хотя всѣ мы и продолжали вести себя такъ, какъ вели, но какъ-то сразу почувствовалось въ нашей семьѣ какое-то напряженіе. То и дѣло каждый изъ насъ сталъ поглядывать исподтишка на притихшую и всю ушедшую въ себя Эмѣ, которая по-прежнему сидѣла въ дѣдовскомъ креслѣ и, ничего не слушая молчала и не мигая, смотрѣла въ одну точку. И только тогда, когда наконецъ мама послала насъ всѣхъ спать, Эмѣ вдругъ очнулась и стала говорить. Она обратилась къ папѣ, и губы ея задрожали.

— Могу я съ вами говорить, сударь? спросила она.

— Ну, конечно, дитя мое! быстро отвѣтилъ папа. — Только зачѣмъ это „сударь“? Я буду очень радъ, если ты будешь относиться ко мнѣ, какъ къ родному дядѣ или какъ къ отцу.

На глазахъ у нея появились слезы.

— Мнѣ такъ-бы хотѣлось быть

вамъ полезной! продолжала она. — Я французенка, и поэтому могу многое дѣлать...

— А если ты французенка, вмѣшалась мама, — то какъ-же у тебя оказалась англійская фамилія „Смитъ“?

— Такъ сказалъ мнѣ папа, съ достоинствомъ отвѣтила Эмѣ. — Мы съ нимъ были очень несчастны и ему пришлось принять эту фамилію...

— Значить, у васъ была другая? спросила мама.

Эмѣ смолчала и опять вся ушла въ себя.

— Такъ что же ты могла-бы дѣлать? ласково обратился къ ней папа.

— Я могла-бы учить вотъ ихъ говорить по-французски, отвѣтила она, указавъ подбородкомъ на моихъ маленькихъ братишекъ. — Кромѣ того, я знаю много интересныхъ исторій и могла-бы ихъ рассказывать. Мой папа происходитъ изъ очень знатнаго французскаго рода, но долженъ былъ бѣжать изъ Парижа въ Лондонъ. Онъ потерялъ все, что имѣлъ, и долженъ былъ давать въ Лондонѣ уроки французскаго языка. Ахъ, какъ въ Лондонѣ намъ тяжело жилось!

— Ну, и что же далѣе? заинтересовался отецъ.

Мы всѣ насторожились.

— Мы жили тамъ высоко-высоко, продолжала Эмѣ, — на самомъ

Маленький журавль.

— Это кто разбил?

чердакъ. Цѣлые дни папы не было дома, онъ бѣгалъ по урокамъ, и я была одна. Мнѣ было такъ скучно-скучно! Я часто плакала.

— Бѣдное дитя!.. вздохнула вслухъ мама.

— Папа приходилъ усталый и голодный. Я тоже всегда хотѣла ѣсть. Мы сѣли за подоконникъ и ѣли хлѣбъ и колбасу... Мнѣ такъ всегда хотѣлось чего-нибудь сладенькаго! Папа бралъ меня ладонями за щеки, долго глядѣлъ на меня и цѣловалъ меня въ глаза. — „Какъ ты похожа на свою покойную мать!“ говорилъ онъ мнѣ. — „У нея тоже были такіе-же глаза! Она была англичанка и у нея были сѣро-голубые большіе глаза!“.

Мама съ папой переглянулись.

— Развѣ твоя мама была англичанка?—спросилъ отецъ.

— Да, отвѣтила Эмѣ.—Папабылъ французъ, а мама — англичанка. Она вскорѣ послѣ моего рожденія и умерла! Папа очень по ней тосковалъ.

— И все время ты была одна, безъ матери? удивилась мама.

— Да... продолжала Эмѣ. — Иногда я готовила папѣ обѣдъ. Я умѣю и стряпать! Когда у насъ не было ни копѣйки денегъ, то папа часто ходилъ изъ угла въ уголъ по чердаку и повторялъ:— „Только подумать, что если-бы я не запрягалъ такъ далеко той вещи, то былъ-бы теперь опять богатъ!“— „Какой вещи?“ спрашивала я у

него.—И онъ всякій разъ мнѣ отвѣчалъ:— „Я не могу тебѣ, дорогая, этого сказать! Ты можешь проболтаться и все мое состояніе тогда достанется другимъ!..“

Мама съ папой переглянулись опять.

— Все какія-то загадки! воскликнула папа.—Право, точно въ театрѣ или въ какомъ-нибудь романѣ! Ну, и что-же было потомъ? Тебѣ твой папа не говорилъ, гдѣ находится эта таинственная вещь?

— Нѣтъ, онъ никогда не говорилъ объ этомъ, отвѣтила спокойно Эмѣ.—Я его спрашивала не разъ. Я знаю только, что лѣтъ семь тому назадъ, когда я была еще совсемъ маленькая, и когда мы были очень-очень бѣдны, такъ что папѣ нечего было даже и покушать, онъ рѣшилъ найти какого-то своего родственника, который его не любилъ, вручить ему эту вещь и просить его, чтобы онъ съѣздилъ съ ней во Францію и получилъ тамъ по ней изъ банка папино богатство.

Мы всѣ еще болѣе заинтересовались.

— Ну? Ну? спросили мы всѣ въ одинъ голосъ.—Ну, и что же было потомъ?

— Папа долго шелъ къ этому родственнику пѣшкомъ, отвѣчала Эмѣ,—и несъ меня на рукахъ. Я была еще маленькая и все время спала. Къ несчастью, онъ этого родственника не засталъ дома и такъ какъ прошелъ уже нѣсколько

версть пѣшкомъ, то чуть не падалъ отъ усталости и долженъ гдѣ-нибудь отдохнуть. Онъ присѣлъ на краю дороги и лишился чувствъ. А потомъ, когда онъ снова пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что его вещь валялась около него на снѣгу. Онъ испугался этого и сказалъ самъ себѣ: — „Такъ я могу эту вещь потерять и тогда лишусь всего; кромѣ моего родственника, по этой вещи моего богатства все равно не можетъ получить для меня никто; онъ возвратится только къ веснѣ; спрячу я эту вещь до весны гдѣ-нибудь въ этихъ мѣстахъ!“ И онъ взялъ меня на руки, куда-то отошелъ въ сторону отъ дороги и спряталъ эту вещь гдѣ-то въ надежномъ мѣстѣ...

— Гдѣ же это было? спросилъ папа.

— Не знаю, я тогда еще была маленькая...

— Откуда-же ты все это узнала?

— Рассказывалъ папа...

— Ну, и что-же было потомъ, когда возвратился родственникъ?

— Не знаю... Папа все время давалъ уроки и не говорилъ о немъ ничего. Потомъ я выросла...

— Значить, вы опять вернулись въ Лондонъ?

— Да.

— И опять жили на чердакѣ?

— Да.

— И опять нуждались?

— Да.

— Гдѣ-же находилась та таинственная вещь?

— Она все время тамъ и лежала, гдѣ папа ее спряталъ.

— И онъ такъ о ней больше и не вспоминалъ?

— Нѣтъ, онъ часто говорилъ, что нужно было-бы за ней сходить и взять ее обратно.

— И что-же?

— Но это было такъ далеко отъ Лондона! Нужно было-бы имѣть деньги, чтобы туда поѣхать, а ихъ у папы все время не было... Къ тому-же онъ боялся потерять уроки.

— Значить, такъ онъ за ней и не сходилъ?

Эме подумала.

— Не знаю..., искренно отвѣтила она.

— Какъ-же ты очутилась здѣсь? Эме опять подумала.

— Я сидѣла дома, сказала она, — и ожидала папу. Мнѣ было очень холодно и хотѣлось кушать. Какъ вдругъ онъ приходитъ разстроенный и говоритъ: — „Эме, я больше не въ силахъ выносить такую жизнь! Я съ утра и до вечера даю уроки и мнѣ не платятъ... Мнѣ жаль на тебя смотрѣть. Пойдемъ опять къ нашему родственнику и попросимъ его получить для насъ богатство!“

— Опять это богатство! проворчала мама.

— Да, онъ такъ и сказалъ: попросимъ его получить для насъ богатство, продолжала Эме — „А

та вещь?“ спросила я его.—„Ты о ней позабылъ?“ Но онъ отвѣтилъ:—„Мы зайдемъ за ней по пути.“ Мы вышли на улицу. Шелъ снѣгъ и было такъ холодно, что я дрожала. Папа всю дорогу молчалъ. Мы пришли на вокзалъ и сѣли въ поѣздъ. Ёхали мы до ночи. Потомъ вышли изъ вагона и шли, шли, шли... Мы такъ долго шли, что у папы не хватило больше силъ. Онъ взялъ меня на руки и понесъ. Была совсѣмъ уже ночь, когда мы пришли къ какому-то дому. Папа позвонилъ, о чемъ-то спросилъ, ему что-то сказали,—и онъ глубоко вздохнулъ и опять пошелъ далѣе. Ахъ, какъ было холодно, и какой шелъ снѣгъ! Мнѣ такъ хотѣлось кушать! А потомъ папа выбился наконецъ изъ силъ, положилъ меня на снѣгъ и сказалъ:—„Эме, я, кажется, сейчасъ умру отъ усталости! Нашего родственника опять нѣтъ дома! Онъ уѣхалъ за границу. Полежи здѣсь и подожди меня, я сейчасъ вернусь!“—„Куда ты, папочка?“ спросила я его.—„Мнѣ только нужно здѣсь взять ту вещь, которую я когда-то здѣсь спряталъ“... отвѣтилъ онъ и ушелъ. Я осталась одна. Потомъ я заснула. И съ тѣхъ поръ я его больше уже не видала...

Мы всѣ переглянулись.

— А затѣмъ ты оказалась уже у насъ? спросилъ ее папа.

— Да... отвѣтила она.

Этотъ разговоръ и воспоминанія

утомили и разволновали ее и она громко и неудержимо расплакалась. Мама подбѣжала къ ней и стала ее успокаивать. Мы всѣ сразу присмирѣли и стали глядѣть другъ на друга большими испуганными глазами. Эме закрыла обѣими руками лицо, припала лбомъ къ груди мамы и плечи ея вздрагивали.

— Папочка! Папа! восклицала она.—Гдѣ ты? Зачѣмъ ты меня оставилъ одну?

Я подбѣжала къ ней и, чтобы ее успокоить, приняла ея руки съ лица, но она еще долго не унималась. А затѣмъ, точно большая, она сдѣлала надъ собой усилие, овладѣла собой и сразу-же перестала плакать.

Тогда мама съ помощью Вольфа взяла ее съ кресла и повела на кровать.

— Ложись, дѣточка, баиньки! сказала она.—Спи съ Боженькой! Это тебя успокоитъ!

И, идя съ ней въ спальную, уже по пути, она вдругъ поддалась охватившему ее материнскому порыву обняла ее и стала быстро и часто цѣловать.

— Милая моя! Бѣдняжка! приговаривала она.—Такая маленькая, а ужъ сколько тебѣ, бѣдненькой, пришлось испытать!

Она тоже въ свою очередь обняла маму за шею и поцѣловала ее крѣпко въ губы.

— Еще одно слово, Эме! сказалъ ей въ догонку папа.—Скажи, на

какой улицѣ вы жили съ отцомъ въ Лондонѣ? Я справлюсь тамъ и быть можетъ, это поможетъ намъ его найти. Я туда напишу.

Она подумала и искренно отвѣтила:

— Не знаю.

— Но вѣдь ты-же сама сказала, что вы жили гдѣ-то тамъ на чердакѣ!

— Не знаю, повторила она.— Я никогда не выходила на улицу. Папа боялся, чтобы меня не задавили извозчики, и запрещалъ мнѣ выходить... Я только гуляла по лѣстницѣ и по корридору. Но я вамъ скажу, гдѣ мы жили. Изъ нашего окна была видна какая-то большая-большая церковь!

— Этого мало! разочарованно вздохнулъ папа.— Мало-ли откуда не видно какой-нибудь большой церкви? Надо было-бы знать названіе улицы!

Мы улеглись всѣ спать. Эме спала вмѣстѣ со мной и Нелли въ одной комнатѣ. Я не знаю, скоро ли тогда заснула Эме, но я еще долго не смыкала глазъ и все думала объ ея таинственной исторіи.

Затѣмъ къ намъ въ дѣтскую вошли папа и мама, чтобы по обычаю насъ поблагословить. Я притворилась, что уже сплю, и услышала весь ихъ разговоръ.

— Я была-бы очень рада, если-бы не нашелся ея отецъ, сказала мама.— Мнѣ такъ нравится эта

несчастная дѣвочка! Я любила-бы ее, какъ родную дочь!

— Да, бѣдное, невинное дитя!.. отвѣтилъ папа.— Такъ молода и уже разбито сердце! Но куда-же дѣлся ея отецъ? Куда онъ могъ исчезнуть?

— Я такъ думаю, что онъ ее бросилъ нарочно!.. Онъ ее подкинулъ!

— Все можетъ быть, все можетъ быть!.. вздохнулъ папа.— И такъ, значить, она останется у насъ совсѣмъ? Она будетъ намъ, какъ родная дочь?

— Да, Оливеръ, отвѣтила мама.— Она мнѣ такъ понравилась! Я буду ее любить, какъ свое собственное дитя!

— Ну, значить, такъ тому и быть! Завтра-же надо сходить въ полицію и заявить, что я оставляю ее у себя. Пусть ее припишутъ къ моей семьѣ!

Я обрадовалась, что Эме останется у насъ совсѣмъ, и отъ удовольствія задрогала подъ одѣяломъ ногами.

— Какъ безпокойно спитъ наша Софія!.. сказала мама и поправила на мнѣ одѣяло.

— Это она отъ нервовъ, отвѣтилъ папа.— Разсказъ дѣвочки растрогалъ и ее!

И они вышли изъ нашей дѣтской.

На слѣдующій день Эме стала уже нашей окончательно. Она приняла нашу фамилію, стала намъ

сводной сестрой и наши мама и папа должны были отнынѣ замѣнить ей родныхъ отца и мать. Она скоро освоилась съ именемъ „мама“, но долго не могла называть нашего отца „папой“. Что-же касается насъ, дѣтей, то мы всѣ скоро привыкли къ нашей новой сестрѣ и, какъ я уже сказала выше, стали считать ее своей повелительницей и королевой. Мы стали называть ее по-англійски: Эми. Не Эме, а Эми, т. е. уменьшительнымъ именемъ отъ „Эмилиа.“

Затѣмъ потянулись дни за днями и недѣли за недѣлями,—и вся наша жизнь вошла въ свою обычную колею. Мы вмѣстѣ съ Эми трудились, вмѣстѣ отдыхали и вмѣстѣ ходили далеко-далеко гулять. И всякій разъ, какъ Эми и я собирались на прогулку, Вольфъ оставлялъ свою книгу, бралъ шляпу и отправлялся вмѣстѣ съ нами. Идя съ нимъ, мы старались казаться болѣе умными, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ, и вели съ нимъ разговоръ только о какихъ-нибудь очень серьезныхъ вещахъ: о лунѣ,

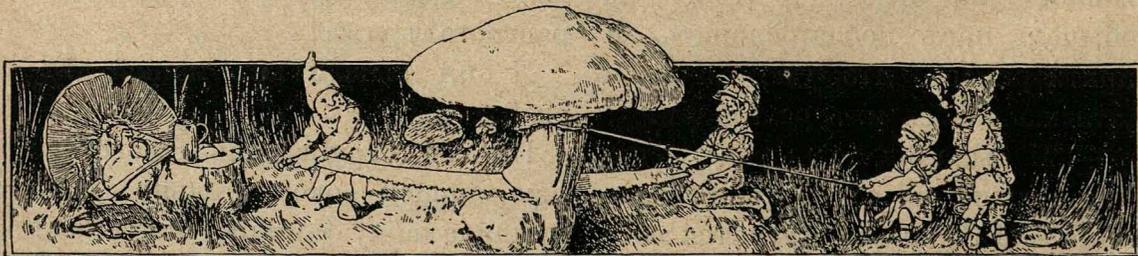
о солнцѣ, о томъ, какъ Каинъ убилъ Авеля, и почему на травѣ каждое утро и вечеръ бываетъ роса? Съ ученымъ видомъ знатока Вольфъ все это намъ объяснялъ, но дѣтство сказывалось въ насъ, мы бросали неожиданно нашъ разговоръ и вдругъ со всѣхъ ногъ, съ громкимъ смѣхомъ пускались бѣжать въ перегонки. Конечно, Вольфъ всегда могъ бы обѣихъ насъ перегнать, но онъ нарочно замедлялъ свой бѣгъ, чтобы въ концѣ концовъ побѣдительницей осталась Эме. Это доставляло ей удовольствіе и намъ было пріятно это для нея дѣлать.

Одно только смущало всѣхъ насъ и наводило мрачное облако на нашу семью—это продолжавшееся исчезновеніе Джима. Не смотря на всѣ поиски и на публикации въ газетахъ, онъ такъ и не явился. Трупъ его также не былъ найденъ нигдѣ и это дало намъ еще большую увѣренность въ томъ, что онъ былъ живъ, но только скрывался отъ насъ нарочно.

Это насъ глубоко обижало.

По «The silver flagon» изъ «Chatterbox».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА МАМУ!

Елена Ивановна была кассиршей въ одномъ мануфактурномъ магазинѣ и цѣлые дни просиживала въ темномъ углу въ кассѣ, которая помѣщалась въ маленькой клѣточкѣ съ окошечкомъ. Когда покупатели входили, то кассиршу обдавало вѣтромъ, а когда наступало лѣто, то она видѣла солнце только утромъ, когда шла въ магазинъ. Ея мальчикъ Костя учился въ гимназiи, гдѣ ему давали горячій завтракъ, а обѣдалъ онъ только тогда, когда возвращалась изъ магазина его мама и что-нибудь готовила на керосинкѣ. Но оба они не унывали, трудились и съ нетерпѣніемъ ожидали воскресенья, когда можно было отдохнуть.

— Вотъ погоди, мама, говорилъ Костя, — я вырасту, кончу ученье, тогда мы заживемъ!..

Его мать улыбалась и тоже начинала мечтать о томъ времени, когда Костя будетъ большой.

Однажды случилась неприятность. Елена Ивановна простудилась, прокашляла всю ночь, думала, что пройдетъ, а оказалось что-то серьезное. Она испугалась и, не сказавъ ничего Костѣ, побѣжала къ доктору. Доктора она не застала дома, попросила его навѣстить ее вечеромъ, а сама пошла въ магазинъ. Но тамъ она почувствовала такую слабость, что ее отпустили домой. Вечеромъ пришелъ докторъ, осмотрѣлъ Елену Ивановну, запретилъ ей выходить въ магазинъ и на слѣдующее утро явился опять. Она пролежала

двѣ недѣли. Подъ конецъ онъ выслушалъ и выстукалъ ее, нахмурился и потеръ себѣ лобъ ладонью.

— Вамъ-бы поѣхать на Югъ... наконецъ сказалъ онъ.

Больная улыбулась, точно желая показать этимъ, что съ ея средствами далеко не уѣдешь, улыбулся и онъ, но какъ-то горько, и, не взявши денегъ за леченіе, уѣхалъ. Какъ только онъ вышелъ за дверь, его догналъ Костя и тронулъ за рукавъ. Докторъ обернулся.

— Значить, докторъ, мама не выздоровѣетъ до тѣхъ поръ, сказалъ онъ, — пока не уѣдетъ отсюда въ Крымъ?

И онъ посмотрѣлъ на него безпокойными глазами.

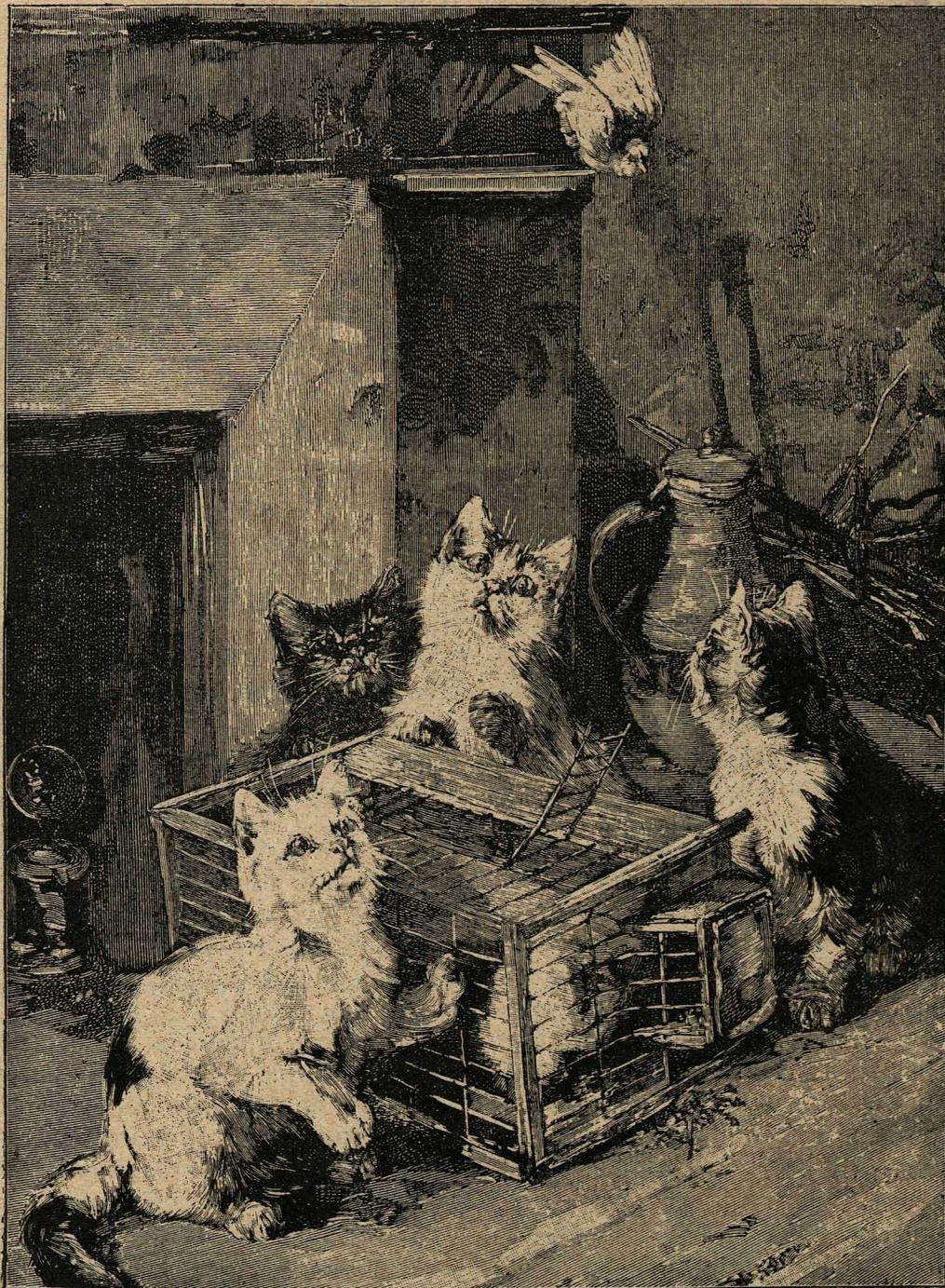
— Да, мой милый... отвѣтилъ докторъ. — Другихъ средствъ нѣтъ. У твоей мамы плевритъ...

И онъ сталъ спускаться съ лѣстницы, а Костя еще долго стоялъ у перилъ и смотрѣлъ ему влѣдъ. Затѣмъ онъ поднялъ глаза кверху и прошепталъ:

— Господи, помоги мнѣ! Вылечи ее поскорѣй!

Вечеромъ пришелъ приказчикъ изъ магазина и сообщилъ, что его хозяинъ велѣлъ ему передать Еленѣ Ивановнѣ, что, такъ какъ она пропустила уже столько времени и не ходитъ, то онъ ей отказывается отъ мѣста и нанялъ уже другую кассиршу. При этомъ приказчикъ разжалъ руку и высыпалъ изъ нея на столъ мелкой монетой 1 р. 83 к.

— Это недополученное вами жа-

Упорхнула..

Послѣ трудовъ.

лованье, сказалъ онъ.—Потрудитесь дать росписку въ полученіи.

Не ожидавшая такого скорого отказа, Елена Ивановна дала росписку и тутъ-же, передъ приказчикомъ, разрыдалась. Костя не могъ видѣть ея слезъ и заплакалъ тоже.

Прикащикъ посмотрѣлъ на нихъ, вздохнулъ, а потомъ вынулъ изъ кармана засаленный кошелекъ, досталъ оттуда грязную трехъ-рублевую бумажку и положилъ ее на столъ.

— Это вамъ-съ... сказалъ онъ потомъ.—Пригодится-съ!..

Елена Ивановна взяла со стола бумажку и сунула ее обратно въ руку прикащику.

— Не надо, сказала она.—Вы тоже бѣдны... Спасибо вамъ!..

Приказчикъ положилъ трехрублевку опять въ кошелекъ и взялся за картузь.

— Какъ угодно-съ... сказалъ онъ.—Будьте здоровы-съ!

И вышелъ изъ комнаты.

Весь этотъ вечеръ Костя думалъ, какъ-бы ему добыть денегъ, чтобы отправить маму въ Крымъ. Если продать перочинный ножичекъ, то за него дадутъ такъ мало, что даже и до вокзала не доѣдешь, а если пойти просить, то скорѣе онъ умретъ, чѣмъ протянетъ руку. И мама его на это не согласится ни за что на свѣтѣ. Такъ онъ думалъ до полуночи, а затѣмъ усталость взяла свое, и онъ заснулъ.

На утро онъ побѣжалъ по обыкновенію въ лавочку за молокомъ. Когда онъ вышелъ изъ своей комнаты, то этажемъ ниже услышалъ чьи-то женскіе голоса. Чья-то горничная чистила юбку своей барыни и, свѣсившись черезъ перила,

разговаривала со швейцарихой, которая еще этажемъ ниже выметала лѣстницу. Обѣ онѣ трещали, какъ сороки.

— Твоей-то барынь хорошо!.. кричала снизу швейцариха.—Своя собственная дача въ Крыму, да и денегъ много!.. Взяла да и поѣхала! Не то, что мы грѣшныя!.. Сиди тутъ цѣлый вѣкъ подъ лѣстницей, да и не выходи никуда ни на одну минуту. А ей: захотѣла, чтобы не было зимы, вотъ тебѣ и нѣтъ зимы; живи въ тепломъ краю, сколько душѣ угодно!

— Да вотъ боится ѣхать!.. отвѣтила ей сверху горничная.—Одна одишенька на свѣтѣ, заболѣеть, такъ воды некому подать. Тоже вѣдь и въ ея положеніе войти надо! Приходили двѣ въ компаньонки наниматься, да такія, что и не дай Богъ!

— Оберутъ еще, эти компаньонки-то... отозвалась швейцариха.

— Да ужъ и обирали не разъ! крикнула ей горничная.

И взявъ юбку за поясокъ, она изъ всѣхъ силъ стала ее вытряхивать. Что-то выскочило изъ нея и со звономъ упало на самую нижнюю площадку. Но ни она, ни швейцариха не замѣтили этого и продолжали свой разговоръ. Костя спустился съ лѣстницы внизъ, вышелъ на улицу и побѣжалъ за молокомъ.

Возвращаясь обратно, онъ, къ удивленію своему, на первой-же площадкѣ увидалъ дамскій кошелекъ. Въ немъ было нѣсколько золотыхъ монетъ, одна бумажная пятирублевка и визитная карточка какой-то г-жи Григорьевой. Костя вспомнилъ про паденіе какого-то предмета съ высоты, когда

горничная вытряхивала юбку. и тотчасъ-же догадался, въ чемъ дѣло.

Г-жа Григорьева была совершенно одинока. Она никого не имѣла родныхъ мало съ кѣмъ была знакома и рѣдко выѣзжала изъ дому. Она жила очень богато. У нея была собственная роскошная дача на южномъ берегу Крыма, вся обросшая розами и тропическими растеніями, но она въ ней уже давно не жила, потому что боялась одна, хотя уже давно соскучилась по ней и по Крымской природѣ. Когда-то у нея была большая семья, было шумно и весело, но всѣ поумирали, и она осталась одна и вотъ уже сколько лѣтъ жила въ Москвѣ со своей горничной Полей. Сама г-жа Григорьева была доброй отзывчивой женщиной, но такова уже судьба богатыхъ людей, что всѣ, съ кѣмъ только она ни имѣла дѣло, старались почему-то ее обманывать и даже обирать, и поэтому въ ней выработалась привычка осторожно относиться къ людямъ и незнакомиться ни съ кѣмъ.

— Поля, обратилась она однажды къ своей горничной.— Да неужели-же намъ опять придется всю осень и зиму провести въ Москвѣ?

— Отчего-же, барыня? отвѣтила ей Поля.— Вѣдь у васъ въ Крыму своя собственная дача... Взяли да и поѣхали!

— Что ты, что ты, Поля!.. Да тамъ я одна со страха помру! Въ такомъ-то большомъ домѣ? Да тамъ мыши заскребутся, а мнѣ Богъ вѣсть что покажется! Нѣтъ, нѣтъ... Безъ компаньонки не поѣду ни за что!

И она стала подыскивать себѣ компаньонку. Онѣ съ Полей кое-

гдѣ справились, напечатали въ газетѣ объявленіе, что желали-бы нанять за жалованіе какуюнибудь одинокую даму, которая согласилась-бы ѣхать вмѣстѣ съ ними въ Крымъ на два мѣсяца. Но проходили дни за днями и компаньонка все не являлась. Правда, приходили двѣ какія-то дамы, одна старая, а другая молодая, но онѣ не показались г-жѣ Григорьевой добрыми и она ихъ не наняла.

— Вотъ бы найти какую-нибудь такую женщину, мечтала г-жа Григорьева,—которой-бы и самой нужно было ѣхать личеться въ Крымъ! Да чтобы была неизбалованная, добрая, чуткая, деликатная... Нѣтъ, ужъ видно придется отказаться на этотъ разъ отъ поѣздки въ Крымъ...

Поднявши кошелекъ и прочитавъ находившуюся въ немъ визитную карточку, Костя тотчасъ-же рѣшилъ возвратить его по принадлежности.

Онъ подошелъ къ двери г-жи Григорьевой и постучалъ въ нее. Ему отворила Поля. Узнавъ его и увидя при немъ бутылку молока, она сказала:

— Вы ошиблись этажемъ, молодой человѣкъ.—Ваша квартира выше.

Но Костя набрался храбрости и отвѣтилъ:

— Мнѣ нужно видѣть самое г-жу Григорьеву.

— Онѣ только что еще вставши, отвѣтила Поля,—и пьютъ кофій.

— Ничего, скажите, что мнѣ ее очень нужно видѣть.

Его тонъ былъ настолько увѣренный, что она вышла, а затѣмъ вернулась вновь.

— Пожалуйте... сказала она.

Костя вмѣстѣ съ бутылкой вошелъ въ столовую, въ которой въ креслѣ сидѣла пожилая дама въ дорогомъ капотѣ и глядѣла въ лорнетъ.

— Что вамъ угодно? спросила она его.

Костя протянулъ къ ней ея кошелекъ.

— Это вашъ... сказалъ онъ.— Я нашелъ его здѣсь на лѣстницѣ и вотъ принесъ...

Г-жа Григорьева взяла отъ него кошелекъ и оглядѣла его со всѣхъ сторонъ.

— Да, это мой... сказала она.— Но какъ же это я могла его потерять?

И вынувъ изъ него золотую монету, она протянула ее къ Костѣ.

— За то, что вы такой честный, сказала она, — вотъ вамъ на гостинцы!

Костя сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Не безпокойтесь, сказалъ онъ. Я долженъ былъ это сдѣлать, и мама все равно не позволитъ мнѣ взять эти деньги...

— Почему-же? спросила г-жа Григорьева.

Мальчикъ помялся и покраснѣлъ.

— Потому что это было-бы оплатой за то, отвѣтилъ онъ, — что я все равно долженъ былъ-бы сдѣлать...

— Тогда чѣмъ-же мнѣ васъ отблагодарить? Хотите конфетъ?

И она взяла со стола ящикъ карамели.

Онъ протянулъ къ нему руку и взялъ изъ него двѣ.

— Это я отнесу моей мамѣ... сказалъ онъ.— Она больна...

— Значитъ, у васъ есть мама и она больна?

У Кости навернулись на глазахъ слезы.

— Очень... отвѣтилъ онъ.

— Такъ надо лечиться!.. воскликнула г-жа Григорьева.— Надо позвать доктора и поступить такъ, какъ онъ посовѣтуетъ!

Костя вздохнулъ.

— Докторъ уже былъ... сказалъ онъ.

— И что-же онъ сказалъ? спросила она.

— Онъ приказываетъ мамѣ ѣхать на Югъ...

И, будучи не въ силахъ сдерживать себя, полный искренняго, горячаго желанія помочь своей матери, Костя поставилъ на полъ свою бутылку молока и бросился къ дамѣ.

— Моя мама больна!.. Мнѣ такъ жаль мою бѣдную маму!.. воскликнулъ онъ.— Но что-же я могу для нея сдѣлать, если я еще маленький и не могу заработать для нея ничего!.. Разрѣшите мнѣ говорить съ вами откровенно!

Ей понравился въ немъ этотъ его порывъ и она провела рукой по его волосамъ.

— Пожалуйста! отвѣтила она.

— Правда-ли, что у васъ есть въ Крыму большая дача?

— Правда, а ты откуда это знаешь?

— Я узналъ объ этомъ сейчасъ на лѣстницѣ. Ваша горничная говорила объ этомъ съ женой швейцара.

— Такъ въ чемъ-же дѣло?

Костя собрался съ духомъ.

— Мама очень больна, сказалъ онъ,—докторъ былъ уже не разъ и сказалъ, что для нея нужны только воздухъ, солнце и полный покой. А гдѣ ихъ взять? Другихъ лекарствъ не нужно никакихъ, а безъ воздуха и солнца все равно

мама не выздоровѣетъ никогда. И когда я услышалъ на лѣстницѣ, что у васъ есть тамъ свой домъ, и что вы совершенно однѣ, то я и рѣшилъ пойти къ вамъ сейчасъ и попросить за маму... А тутъ какъ разъ этотъ кошелекъ!

Мальчикъ расплакался въ три ручья, а потомъ овладѣлъ собою и продолжалъ:

— А если мама умретъ, то что я буду дѣлать безъ нея? Куда я дѣнусь?

Дама притянула его къ себѣ и вытерла ему платкомъ слезы на лицѣ. Костя почувствовалъ приятный запахъ духовъ и, ободренный этой лаской, сказалъ:

— Позвольте моей мамѣ поѣхать съ вами въ Крымъ! Возьмите ее съ собой! Она будетъ вашей вѣрной слугой.

Г-жа Григорьева улыбнулась. Ей было приятно слушать Костю и даже нравились его искреннія, теплыя слезы. Это доказывало ей въ немъ его горячую любовь къ матери, а она сама была бездѣтна и ей вдругъ захотѣлось тоже быть матерью и имѣть такого-же сына, какъ Костя, который такъ же заботился-бы о ней, какъ и онъ.

— Возьмите маму съ собой! умолялъ мальчикъ.— Она будетъ вамъ читать сказки, будетъ занимать васъ и управлять всѣмъ вашимъ хозяйствомъ...

Дама подумала.

— Ну, а съ кѣмъ ты здѣсь останешься одинъ? спросила она.— Что ты будешь здѣсь дѣлать безъ мамы?

Костя молчалъ. Этотъ вопросъ засталъ его врасплохъ. Но вдругъ лицо его просіяло, онъ что-то сообразилъ и весело отвѣтилъ:

— Я поступлю въ лавочники и буду зарабатывать деньги! Вы не беспокойтесь, я заработаю и уплачу вамъ за маму все!..

Г-жа Григорьева засмѣялась.

— Ахъ, ты лавочникъ! воскликнула она. И, схвативъ его за плечи, она прижала его къ себѣ и горячо поцѣловала въ лобъ.— Вотъ счастливица твоя мама, что у нея такой сынъ, какъ ты!

Затѣмъ она подошла къ окну и долго молча въ него глядѣла. Костя съ волненіемъ стоялъ у ея кресла и ожидалъ.

— Вотъ что... сказала она наконецъ.— Иди сейчасъ къ себѣ домой и ничего не говори своей мамѣ. Дай мнѣ хорошенько подумать... Впрочемъ, нѣтъ! Дѣти ничего не должны скрывать отъ своей матери, поэтому и ты не скрывай отъ нея ничего. Скажи ей, что ты былъ у меня, просилъ за нее, а что отвѣтъ я дамъ тебѣ завтра утромъ.

Костя показалось, что она отвѣтила ему отказомъ; онъ глубоко вздохнулъ и взялся за свою бутылку.

— Благодарю васъ... сказалъ онъ печально.— Простите, что побеспокоилъ... До свиданія.

И онъ вышелъ изъ столовой въ прихожую. Здѣсь ожидала его горничная Поля, которая пропустила его и заперла за нимъ дверь. Онъ поднялся къ себѣ въ квартиру, передалъ мамѣ молоко и не сказалъ ей ничего.

„Что ее беспокоить?“ думалъ онъ.— „Все равно изъ этого ничего не вышло!“

На слѣдующее утро въ дверь къ Еленѣ Ивановнѣ кто-то постучался. Костя отворилъ ее, да

такъ и обомлѣлъ отъ удивленія. Въ ней стояла горничная Поля и протягивала къ нему письмо.

— Это вамъ, вамъ! сказала она.

Костя взялъ отъ нея конвертъ и прочиталъ на немъ адресъ: „Мальчику, которымъ должна гордиться его мать“.

Онъ вспыхнулъ, покраснѣлъ и дрожащими руками разорвалъ конвертъ.

Въ немъ оказались два желѣзно-дорожные билета II-го класса вплоть до самаго Севастополя и сто рублей.

При этомъ была записка:— „Передай своей мамѣ, что я выѣзжаю въ Крымъ послѣ завтра со скорымъ поѣздомъ и что буду ждать ее на вокзалѣ. Мы ѣдемъ всѣ трое вмѣстѣ и, надѣюсь, всю дорогу не будемъ скучать“.

Костя взвизгнулъ отъ радости, бросился къ матери и повисъ у нея на шеѣ.

— Мамочка! Мама! закричалъ онъ.— Теперь ты будешь здорова. Теперь мы поѣдемъ на Югъ!

Елена Ивановна смотрѣла на него съ удивленіемъ и долго ничего не могла понять.

А когда онъ успокоился и рассказалъ ей все, она одѣлась и спустилась внизъ къ г-жѣ Григорьевой. Возвратилась она оттуда веселой и радостной не менѣе, чѣмъ ея сынъ, и стала собираться въ дорогу.

Теперь для нея открывалась новая жизнь. Она ѣхала туда, гдѣ были воздухъ, солнце и тепло и гдѣ навсегда прекратится ея болѣзнь.

Гіальмаръ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Названія какихъ овощей и плодовъ заключаются въ слѣдующихъ фразяхъ:

1. На скотномъ дворѣ пара воловъ уже запряжена въ арбу.

2. Когда мы шли отъ вечерни, капалъ дождь.

3. Кровожадному тигру шалить

съ пойманнымъ имъ животнымъ было забавно.

4. Дай воды, няня, я пить хочу!

5. Иванъ предложилъ Петрушкаликъ водки.

6. У матроса латъ и шлема не бываетъ; они бываютъ только у рыцаря.

7. Къ сентябрю кваканье лягушекъ уже прекращается.

II.

Даны слоги: етъ, е, ля, путь, го, нов, ло, об, няхъ, ка, шад, дров, по, на, снѣгъ, я, чу, пле, я, ству, ся, же, тет, ры, тор, нинъ, стья, сью, какъ, ма, кре, ни, будь, зи.

Составить изъ этихъ словъ четыре строчки извѣстнаго стихотворенія Пушкина.

III.

Почему зимой, въ морозъ, съ неба падаетъ именно снѣгъ, а не дождь?

IV.

Задуманы три слова, означающія:

1. Надоѣдливое насѣкомое летающее.

2. Надоѣдливое насѣкомое бѣгающее.

3. Пѣвчую птицу.

Взять отъ перваго слова первый слогъ, отъ второго—второй и отъ третьяго—третій и составить изъ нихъ новое слово, означающее названіе трудолюбиваго насѣкомаго.

V.

Если къ девяносто пяти безобразнымъ фізіономіямъ прибавить еще пять, то что получится?

VI.

Когда нужно было пить чай, то няня позвала дѣтей:—

— Петя, Надя, Коля! Идите пить чай!

Почему она ихъ позвала?

VII.

Голодный попросилъ у крестьянки ѣсть.

— У меня есть хлѣбъ да сыръ, отвѣтила она и подала ему ѣду.

Какъ онъ ни былъ голоденъ, но не могъ ѣсть предложенной ему ѣды и ушелъ отъ нея голоднымъ.

Почему?

VIII.

Почему крестьяне предпочитаютъ вывозить дрова изъ лѣса именно зимою, а не осенью и не весной.

IX.

Фамилія русскаго поэта состоитъ изъ девяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. буквы 7. 8. 2. 6. 9. означаютъ хлѣбный злакъ, 8. 2. 6. 1. 5.—время года, 3. 8. 5. 6. 9.—напитокъ, 8. 7. 4. 7. 1. 5.—птицу, 6. 7. 4. 7. 3. 5.—тоже птицу, 8. 5. 3. 6. 5.—то, что дастъ блескъ.

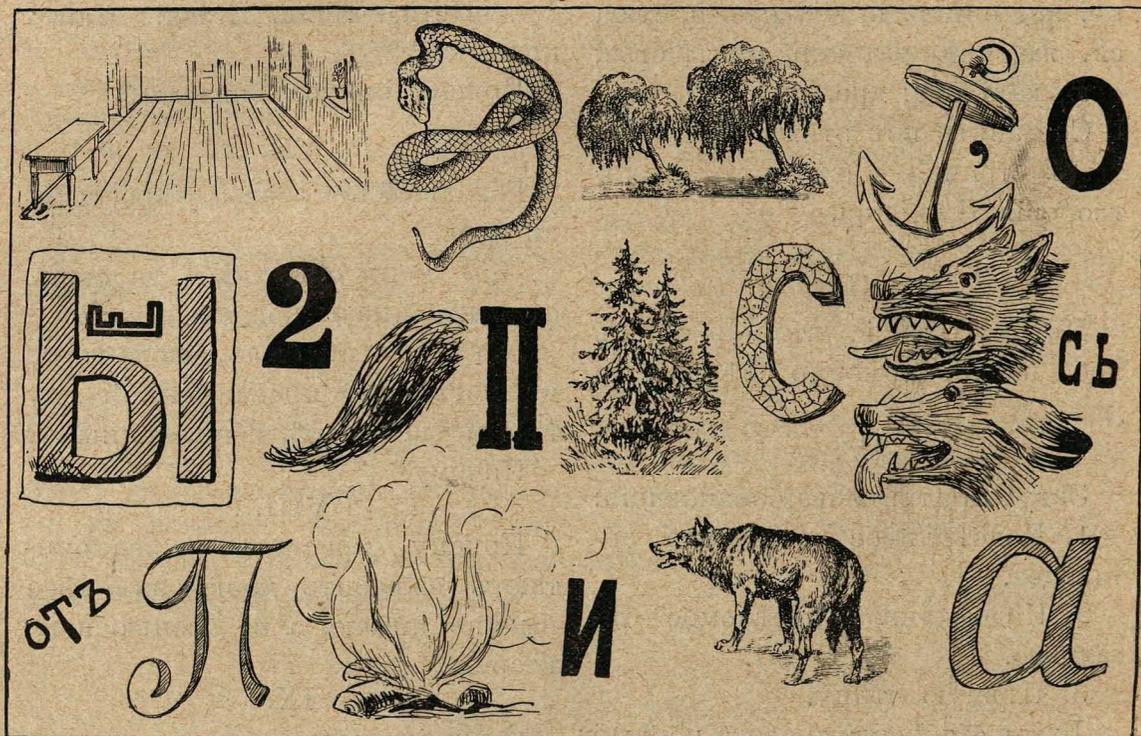
Какія это слова и какъ фамилія писателя?

Вѣрные рѣшенія прислали: Т., Д. и В. Казахавили, А. Оамеръ, Л. Мануйленко, М. и Т. Иссерлисъ, Н. и В. Душечкины, Н. Ащеуловъ, Л. Гидони, О. Хитрово, Р. и М. Семеновы, С. и В. Чефрановы, К. Карчевскій, Надя и Ендрикъ, Л. Крылова, С. Карачаровъ, Дѣти Клочковы, В. и Б. Ананьевы, Ю. Бекъ-Пензулаевъ, Н. Розенцвейгъ, В. Заксъ, М. Бобровская, О. и В. Житковы, Ш. и В. Козловцевы,

Л. Хачухузова, Соловей-Разбойникъ, Т. Печковская, В. и Л. Шубины, Ш. Леонтьевъ, В. Щепкинъ, Э. Ганзепъ, В. Ситниковъ, Л. Гуляницкій, А. Кухарская, Л. Машнеръ, Т. Студеникина, Н. Алмазова, Л. и Л. Ярунины, Манефа и Тратата, Г. и Ю. Никифоровы, А. Русисъ, А. и С. Шатовы, Б. и Ш. Гольдштейнъ.

Ребусъ № 15.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ:
«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО»

за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 руб. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ по 45 коп. за экземпляръ въ переплетѣ и безъ переплета).

**МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ
ИЗЪ РЕДАКЦІИ «ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО».**

Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТРОГРАДА.

Годъ восьмой.

художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12** ИГРЪ для дѣтей.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.),

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к., на полгода—2 руб.

Адресъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство»: Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26.

3 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

За перемѣну адреса 28 копѣекъ почтовыми марками.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО».

Журналъ «Золотое Дѣтство» ЗА ТЕКУЩІЙ
1915 г. РАЗОШЕЛСЯ ВЕСЬ.
ПОДПИСКА ПРЕКРАЩЕНА до Сентября.

Редакція предлагаетъ журналъ «Золотое Дѣтство» за истекшіе 1914 или 1913 г. со всѣми приложеніями. Цѣна въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ 3 р. 65 к., безъ переплета — 3 р. За пересылку въ предѣлахъ Европейской Россіи и Кавказа — 45 коп.

← Петроградъ, Каменноостровский просп., 26. →